

Сущность и свойства городской среды рассмотрены с точки зрения теории сетевого общества и на основе принципов метамодернизма. Выделены свойства, имманентно присущие городской среде: динамичность, историчность и регенеративность. На примере истории сибирских городов показано, что городская среда непрерывно развивается, отражая изменения в социальном укладе жизни горожан. При этом структура городской среды способна сохранять некоторые элементы на протяжении столетий и восстанавливать ее после природных и исторических катастроф. Однако эластичность городской среды имеет предел, за которым структура может разрушиться необратимо.

Ключевые слова: архитектура; градостроительство; урбанистика; городская среда; история; Сибирь. /

The article considers the essence and properties of the urban environment from the point of view of the theory of a network society, taking as the basis the principles of metamodernism. It highlights the properties inherent in the urban environment, such as dynamism, historicity and regenerativeness. Using the example of the history of Siberian cities, it is shown that the urban environment is constantly evolving, reflecting changes in the citizens' social way of life. At the same time, the structure of the urban environment is able to preserve some elements over the centuries and restore its structure after natural and historical disasters. However, the elasticity of the urban environment has a limit beyond which the structure can collapse irreversibly.

Keywords: architecture; urban planning; urban studies; urban environment; history; Siberia.

Городская среда: сетевой подход к изучению / Urban environment: A network approach to studying

текст

Алексей Буйнов

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет
Константин Лидин
Республиканский институт
высшей школы (Минск)

text

Alexei Buinov

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering
Konstantin Lidin
National Institute for
Higher Education (Minsk,
Belarus)

Обсуждения свойств и сущности такого популярного понятия, как городская среда, наш журнал неоднократно публиковал на протяжении почти всех лет своего существования. Тем не менее проходят годы и десятилетия, но понятие городской среды не становится более четким и однозначным. Напротив, его значения меняются и приобретают все новые варианты смыслов по мере того, как развивается общий кризис городов [1].

Одним из недавно возникших, но уже сильных трендов в этой области является рассмотрение города и его среды с позиций теории сетей. В 1996–1998 годах вышло из печати фундаментальное произведение Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [2], в которое вошли материалы, собранные в течение 15 лет во множестве стран (включая Россию). После выхода этой трилогии понятие сетевого общества стало одним из наиболее обсуждаемых пунктов современной философии в ее попытках объединить гуманитарное, экономическое и естественнонаучное (технологическое) знание в единую систему.

Мануэль Кастельс начинал свою научную деятельность как урбанист, его интерес к изучению города не исчез и позже. Будучи одним из учеников Луи Альтюссера (наряду с такими крупными фигурами новой французской философии, как Мишель Фуко, Пьер Бурдьё и Жак Деррида), он испытал сильное влияние идей структурального марксизма – одной из ветвей неомарксистской теории, которая сосредотачивается на структурной стороне общества. Социум с этой точки зрения представляет собой в первую очередь систему связей между людьми и социальными институтами. Узор социальных связей определяет и характер общества в целом, и его свойства, и его устойчивость перед лицом кризисов [3].

В рамках сетевой философии город также рассматривается, в первую очередь, как система связей между объектами – людьми, строениями, промышленными узлами и так далее. Решающую роль при этом играют именно связи – транспортные артерии, инфраструктурные сети, социальные контакты между людьми и сообществами, а самое главное – сети информационные. Город, таким образом, выглядит как «сеть сетей», многослойный «пирог» из множества сетевых структур. В этом пункте сетевой подход явственно перекликается с пророческими

текстами Маршалла Маклюэна, но выглядит еще более всеобъемлющим и универсальным [4].

Любая структура (сеть) обладает некоторой эластичностью, то есть она способна меняться в некоторых пределах: одни связи «растягиваются» и становятся слабее, другие усиливаются. Но пока общий узор сети сохраняется, развитие города остается в рамках эволюции. Если же предел эластичности сети превышен, связи начинают рваться, вместо них образуются новые – и структура в целом меняется быстро и кардинально. Такой процесс обычно выглядит как революционный и катастрофичный кризис. Зачастую кризис города становится настолько комплексным, что город просто умирает. Люди уходят из него, жизнь останавливается, и город остается лишь в виде руин и смутных преданий в легендах потомков.

Множество публикаций сегодня сообщает о кризисных явлениях во всех сферах и плоскостях существования городов. Интонации меняются в широких пределах – от деловитых до панических и полностью безнадежных. Но большинство исследователей соглашается с наличием комплексного, всестороннего кризиса самой идеи городской жизни в традиционном ее понимании. Растет стоимость жизни в городах, инфраструктурные сети изнашиваются быстрее, чем их успевают ремонтировать, нарастает число сообщений о психологических расстройствах тревожного и депрессивного типа, вызванных современным городским укладом жизни, и так далее [5].

В контексте комплексного кризиса городов на первый план выходит один из аспектов своеобразия истории городов Сибири. Специфика сибирских городов заключается в том, что в этом регионе комплексные кризисы городов происходили неоднократно.

Эпоха появления первых сибирских городов в последнее время, благодаря новым открытиям археологов, отодвигается все дальше в прошлое. Так, недавние раскопки международной российско-германской экспедиции на севере Новосибирской области обнаружили следы поселения Амния эпохи позднего мезолита, продолжавшегося примерно 6200–6050 лет до н. э.

В этот период сформировался уникальный климат Северо-Западной Сибири, в котором длительная суровая зима сменялась жарким летом. Обильные сезонные явления – нерестовый ход лосося и урожай съедобных

дикоросов – заставили древних сибиряков разработать многочисленные и сложные технологии заготовки и хранения пищевых ресурсов. Одновременно развивались способы защиты запасов от диких зверей и, главное, – от соседей. В результате возникло поселение с развитой сложной структурой, состоявшей из нескольких «линий обороны» – земляных насыпей, частоколов и рвов. Заметим, что план поселения Амния, восстановленный археологами, практически полностью совпадает с типичными устройствами небольших городов европейского средневековья с их радиально-секторальной структурой, «палисадом» и «китаделью». Поселение Амния существовало на одном месте по крайней мере несколько веков (судя по толщине культурного слоя), но затем, по мере перехода от социальной структуры охотников-собирателей к сельскому хозяйству, было заброшено, и новые поселения возникали уже совсем в других местах, более удобных для ведения хозяйства нового, уже неолитического типа [6].

Образование государства хунну в III веке до н. э. – II веке н. э. привнесло новую функцию в города как точки взаимодействия кочевой культуры господствующей элиты и оседлых народов покоренных регионов. Соответственно, города той эпохи выглядели как хаотичные, мозаичные структуры, населенные разнородными группами оседлых народов, зачастую насильственно переселенных из родных мест и занятых снабжением господ-кочевников предметами ремесленных производств. Такие городища возникали и исчезали по мере передвижения кочевых племен [7].

Высокого расцвета города и городская культура в Южной Сибири и Центральной Азии достигли в эпоху Уйгурского каганата (VI–IX века). Основными административными центрами каганата были два города – Орду-Балык (местное название Хаара-Балгас) и Пор-Бажын. Однако обе столицы каганата, хотя и были большими городами, просуществовали не более 100 лет. В 840 годы енисейские кыргызы разрушили и сожгли столицу уйгуров и уничтожили сам каганат [8].

Заметим, что структура городской среды и принципы ее организации в городах Уйгурского каганата, как и последующего государства Бохай (698–926 годы), несут очевидные признаки влияния китайского градостроительного искусства. Центральную часть города образует квадратная в плане китадель, где сосредоточены светская (дворец правителя) и духовная власть. Остальной город поделен на специализированные кварталы, также прямоугольные в плане. Четко выраженных границ у города нет, его периферия постепенно переходит в сельскохозяйственные угодья. Такая структура в полной мере соответствует конфуцианскому мировоззрению (в частности, взглядам на устройство идеального общества) и прослеживается в огромном регионе Юго-Восточной и Центральной Азии данного периода. Это выглядит вполне закономерно, если учесть высочайший расцвет китайской культуры в эпоху Тан и, соответственно, мощное влияние ее принципов на культуры соседних народов [9].

Эпоха, наступившая после кратковременного расцвета и последующего распада империи чингизидов (XIII–XV века), характеризовалась глубокоим упадком сибирского градостроительства. К концу XVI века, то есть к началу массовой миграции русских в Сибирь, древние города практически полностью исчезли с поверхности земли, и от них остались только руины и смутные предания [10].

Русские города Сибири с самого начала несли следы нескольких этапов своего развития – от первоначальной роли крепостей, острогов среди враждебно настроенных местных племен до двойственной природы центров, одновременно купеческих и административных.

Как и многие губернские, а в особенности сибирские города, Иркутск на протяжении всей своей истории формировался в контексте противостояния этих двух сословий – купечества и чиновничества. Сибирское купечество возникло на самых ранних этапах освоения Сибири. Несмотря на то, что первоначальный образ купца-хищника и авантюриста в дальнейшем претерпел кардинальное изменение, склонность к фронде и несколько пренебрежительное отношение к закону осталось в структуре городской среды до сих пор. Со своей стороны чиновничество также оказывало заметное влияние на облик сибирских городов. Этому особенно способствовали изменения в законодательстве, связанные с реформами Александра II.

В 1870 году было принято новое Городовое положение – базовый законодательный акт, регулирующий самоуправление городов. В основу нового Положения был положен кардинально новый подход: вместо сословного принципа вводились бессословные органы самоуправления – Городские думы (распорядительный орган) и Управы (исполнительный), избираемые на основе имущественного ценза. Иначе говоря, вместо потомственной аристократии к управлению городами пришли богатые люди. Несмотря на равное представительство трех основных имущественных групп, фактическое влияние на управление городом в основном принадлежало наиболее грамотным, опытным менеджерам – то есть крупному купечеству. При этом чиновничество сохраняло за собой значительные рычаги влияния с опорой на силовые структуры – полицию, армию, власть губернаторов и генерал-губернаторов.

Новое Городовое положение, как и большинство реформ Александра II, сразу после опубликования подверглось критике и со стороны консервативных кругов за отказ от екатерининских принципов привилегированного положения аристократии, и со стороны либеральных прогрессистов за недостаточную буржуазность [11]. Закон упрекали в половинчатости и размытости, позволяющей разнообразные трактовки. Однако именно новая законодательная база в отношениях между «двумя хозяевами» сибирских городов сыграла свою позитивную роль, что особенно наглядно видно на примере истории большого иркутского пожара 22–24 июня 1879 года.

Результат пожара был ужасен. По словам очевидцев, «... 24 числа, когда не совсем еще потух пожар, начавшийся 22 числа, в час пополудни, при зное и сильном ветре вспыхнул пожар по Котельниковской улице, огонь распространился быстро, охватив оставшийся от пожара город. К утру следующего дня трех четвертей самых лучших, самых богатых частей города не существовало» [12, с. 112].

Практически сразу после пожара начались работы по преодолению его последствий. Александр II лично выделил погорельцам 20 тысяч рублей. Еще столько же было отпущено из казны Министерства внутренних дел, а министру внутренних дел было дано позволение открыть подписку в пользу погорельцев. Для охраны порядка были присланы воинские подразделения, патрулировавшие город с целью не допустить мародерства. Служба губернатора организовала снабжение погорельцев, живших «табором» в шатрах и балаганах, свежим хлебом и питьевой водой, чтобы ограничить неизбежный рост цен.

Но в конце лета меры по сдерживанию роста цен на продукты и жилье перестали работать. Генерал-губернатор барон П. А. Фредерикс издал обращение с призывом арендодателям обуздать их жадность и корыстолюбие, но это мало помогло – цены на аренду жилья остались заоблачными. Начавшаяся лихорадочная коммерческая деятельность по восстановлению сгоревших строений вызвала ажиотаж на рынке строительных материалов, а правительственные льготы при получении

^ 16. План Иркутска 1849 года

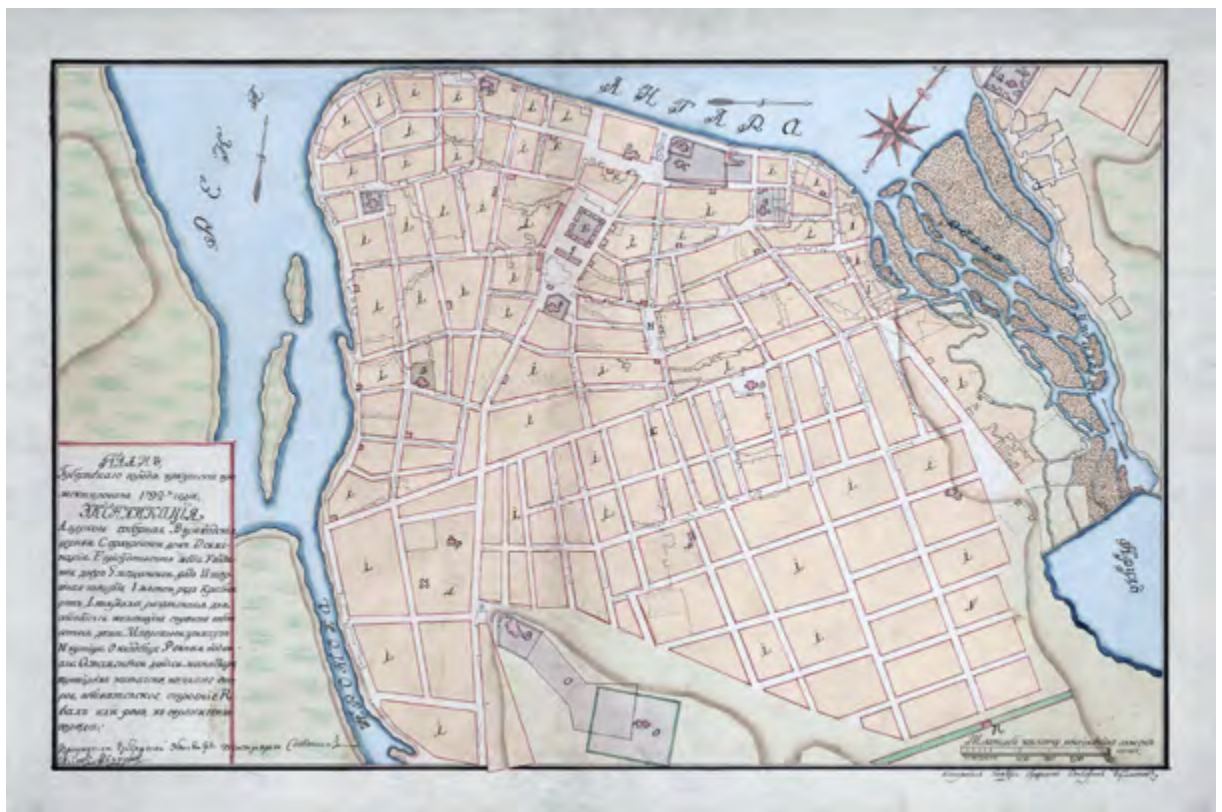

^ 1в. Карта Иркутска 1879 года

ссуд и займов для строителей – волну финансовых махинаций. Ситуация усугубилась тем, что окончание сезона сопровождалось обычным наплывом в город массы рабочих с золотых приисков и рыбных промыслов – людей диких и буйных, привыкших за зиму проматывать заработанное в сезон. Поняв, что не справляется с разгулом спекуляций, П. А. Фредерикс в августе того же года подал в отставку.

Пост генерал-губернатора спешно и самовольно, без высочайшего соизволения, занял К. Н. Шелашников, который принял энергичные меры для помощи наиболее пострадавшим иркутянам ввиду приближающейся зимы.

В течение зимы 1879–1880 года развернулись основные работы по восстановлению сгоревшей части города, причем основная доля финансирования легла на плечи иркутского купечества. Богатые купеческие семейства Иркутска – Базановы, Немчиновы, Трапезниковы, Сибиряковы – внесли в фонд реконструкции города от 15 до 50 тысяч рублей каждое. Свои вклады внесли благотворительные организации – Красный Крест и другие. Еще 78 тысяч удалось собрать по подписке. Итого фонд составил почти 300 тысяч рублей, но две трети этой суммы пришлось на вклады иркутских купцов [13].

> 1а. Карта Иркутска 1792 года

^ 1г. План Иркутска 1900 года
(<https://etomesto.su>. Общественное достояние)

^ Рис. 2. Пожарная каланча на Преображенской улице.
Фото А. Д. Ермакова. 1906. Изд. «К-во Х. Т. Цветкова, Москва», 1911

Сравнивая карты Иркутска разных лет, убеждаемся в парадоксальном факте: огромное бедствие практически не повлияло на планировку выгоревших кварталов. Структура городской ткани на карте 1792 года почти точно совпадает с картой середины XIX века. На литографированной карте 1879 года, составленной «по свежим следам» пожара, мы видим ту же структуру с обозначением выгоревшей части застройки, явно преуменьшенной по сравнению с показаниями современников. Этот же рисунок улиц зафиксирован и на карте 1900 года, уже не рукописной, а печатной (рис. 1г).

Структура городской ткани той части Иркутска, о которой идет речь, и сегодня выглядит почти так же, как в XVIII веке – как мозаика фрагментов, сложившихся за три с половиной века в ходе развития города от острога при слиянии Ангары и Иркутта до столицы огромной губернии. Каждый из этих фрагментов вполне упорядочен и, в основном, носит явные признаки регулярности и прямоугольности. Но их сочетание эклектично, отражая эклектику и противоречивость купеческого мировидения. Такая мозаичность в полной мере соответствует характеру иркутского, сибирского купечества – характеру противоречивому, фрагментарному, способному и на широкие жесты щедрости, и на хищную алчность, на дикое буйство и на искренний интерес к высокой культуре.

Именно такое сочетание, казалось бы, взаимоисключающих черт выделяется в качестве особенной черты сибирского купечества в записках иностранных путешественников, посетивших Сибирь в XVIII–XIX веках. Те путешественники, кто достаточно глубоко узнал сибирских купцов, а особенно иностранцы, работавшие в России (И. Гмелин, П. Паллас, Г. Миллер, Г. Стеллер, И. Фальк) с удивлением пишут о том, как эти черты непостижимым образом одновременно присутствуют и сказываются на образе жизни сибирского, иркутского купечества [14].

Подводя итог анализу приведенного примера, можно сказать, что в судьбе данного фрагмента городской структуры Иркутска отразилась характерная и непреходящая особенность города – сочетание государственного стремления к упорядоченности, единообразию и купеческое тяготение к пестроты и эклектике. Городская среда в течение столетий хранит и транслирует новым поколениям идентичность города. В нашей предыдущей статье

такой непреходящий элемент динамичной городской среды мы назвали «инвариантом» [15].

Пожарная каланча

Следующий пример выделения и использования инварианта одного из фрагментов городской среды связан еще с одним из памятников истории и культуры федерального значения в Иркутске – зданием пожарной каланчи, расположенной в историческом центре по ул. Тимирязева, 33.

Объект был построен по проекту городского архитектора Алексея Кузнецова в 1901 году (рис. 2) и до конца восьмидесятих годов прошлого века «верой и правдой» служил делу пожарной охраны. Со временем основная функция каланчи – наблюдательная – отпала, и сооружение стало потихоньку приходить в негодность, а в 1988 году пожарная часть из него съехала, здание оказалось брошенным. Через 11 лет про него вспомнили, и было принято решение о реставрации. Проект был сделан в течение года при активном содействии двух служб – пожарной охраны и службы по охране культурного наследия – и на редкость благожелательном отношении министерства культуры (это запомнилось особо). А в 2012 году здание было торжественно открыто и функционирует сейчас в качестве музея и учебного центра (рис. 3).

Значение этого объекта для окружающей среды мы почувствовали и оценили не сразу, но в процессе работы выводы были сделаны следующие:

1. Грамотное расположение доминанты, причем светской, далеко не самой высокой в городе, но вполне достаточной, чтобы подчинить и организовать разнородную окружающую застройку.

2. Влияние доминанты на окружающую среду. В запущенном и разбитом состоянии она не показывала и малую часть того, что продемонстрировала в отреставрированном. С четко выявленными формами и пропорциями, с восстановленной смотровой площадкой, которой вернули крышу и шпиль над ней, отреставрированной кирпичной кладкой в сочетании с декоративными элементами из буттового камня (характернейшее сочетание для иркутского зодчества второй половины XIX – начала XX века). При этом желтоватые каменные элементы, вы-

^ Рис. 3. Вертикаль каланчи на горизонтальном «подиуме». Слева здание больницы. Фото А. Буйнова. 2026

деляющиеся на фоне массива кирпичной кладки, имеют вид горизонталей на разной высоте, каланчу определенно масштабируют и придают ей характер «иркутскости».

3. Отреставрированный одноэтажный объем, на который опирается вертикаль каланчи, представляет собой подобие определенного рода подиума, что классически структурирует постройку и по массам, и по объемам, и по вертикали. Таким образом, объект приобретает характер основательности и бесспорного лидерства. Причем настолько бесспорного, что даже построенный практически рядом лечебный корпус больницы, имеющий достаточно приличные габариты и высоту, безропотно подчиняется доминанте.

4. Городской архитектор в начале прошлого века грамотно предусмотрел видовые коридоры на свою доминирующую постройку. Увы, наши современники, спроектировавшие и построившие здание супермаркета

«Злата» по улице Володарского, один из этих коридоров просто и безграмотно уничтожили. А вот создатели другого проекта – «Иркутские кварталы» – замысел Алексея Кузнецова поняли и должным образом оценили, сделав каланчу замыкающей доминантой, на которую сориентирован в их проекте новый пешеходный бульвар.

5. Широко известен постулат, часто приводимый в дискуссиях любителями и приверженцами исторических зданий и сооружений. Он заключается в том, что большинство объектов исторической среды гармонично воспринимаются с трех расстояний: издалека (силуэт здания и его пропорции), со среднего расстояния (объект в целом), и вблизи (обилие вышеупомянутых деталей). Солидная доля правды в этом утверждении есть. Но нельзя забывать, насколько разными являются результаты этих вариантов восприятия и насколько различной во всех трех случаях видится роль объекта в среде.

Существенным плюсом для объекта стало не только подтверждение, но и развитие спектра его функций: оставаясь знаковым объектом пожарной охраны в составе МЧС, иркутская каланча стала музеем и учебным центром, объединив при этом несколько функций общественного характера и превратившись тем самым еще в один центр притяжения на улице Тимирязева.

Альтернатива музеефикации

Следующий пример средового развития напрямую связан с вариантом вычленения из всей городской среды ее исторической компоненты. Здесь мы априори определяем историческую компоненту городской среды как целостную, непрерывную территорию, объединяющую объекты историко-культурного наследия (здания, ансамбли, ландшафты) и их окружение. Исторической среде, в идеале, должны быть присущи единство масштаба, стиля, планировочной структуры, визуальная связность, а также отражение духа определенного исторического периода, который, собственно, и формирует уникальный образ данного фрагмента городского пространства.

Следует добавить, что в рамках этой тематики существуют вполне серьезные документы (например, проекты зон охраны), которые несут в себе регламентирующие функции и в той или иной, большей или меньшей степени ограничивают свободу действия проектировщика именно с точки зрения ценности исторической среды и охраняющих ее органов.

При условии музеефикации – то есть в случае, когда участок среды фактически изымается из оборота и наделяется чисто музейной функцией – все эти ограничения являются вполне понятными. Размеры таких участков могут быть разными – от одной усадьбы до нескольких кварталов или даже территорий крупных градостроительных комплексов. Кстати, как утверждают реставраторы, чем больше величина этих участков, тем больше риск появления в их пределах неаутентичных элементов, которые сразу превращают попытку воссоздания среды в декорацию. Повторяю, речь идет о музеефицированных (то есть, по сути своей, «мертвых») участках исторической среды.

Но архитекторы практически всегда сталкиваются с проблемами «живой» среды, имеющей статус исторической, и в качестве задачи ставится формирование связи между ними и этим конкретным фрагментом культурного и физического мира. Соответственно, этот резонанс должен способствовать развитию исторической среды и привязанности к месту. Это – живая петля обратной связи, которая заставляет нас чувствовать свое присутствие в мире, наше воплощенное существование, наше ощущение себя в определенном контексте, дарованные нам духом места в ощущениях. Без этого чувства наша искусственная среда не имела бы для нас никакого значения, и как культурная, так и экологическая устойчивость исчезли бы.

Очевидно, что любое вторжение в сформировавшуюся городскую среду не может быть успешным без знания основных постулатов, на основании которых эта городская среда формировалась и развивалась.

К превалирующе важным показателям мы прежде всего относим ландшафт или топографическую основу, которую до нас при формировании этой среды использовали осмысленно, «накладывая» на нее «градостроительную решетку» или, по-другому, «транспортный или градостроительный каркас», представляющий собой сетку оптимальных транзитных коммуникаций. Эта сетка являлась основой последующего членения на кварталы – единицы городской среды, отчетливо воспринимаемые и обозримые. Кварталы делили на земельные участки, площадь и местоположение которых напрямую соотносились со статусом владельца и его финансовыми возможностями. Земляные наделы также превращались в подобие планировочной базы и диктовали застройщику появление узнаваемых и знаковых сооружений в соответствующих этой роли местах.

При этом сохранялось известное сходство зданий и сооружений, регламентированное жизненным укладом, возможностями «строительного комплекса», сравнительной однородностью строительных материалов, определенной общностью архитектурно-конструктивного подхода и законодательной базы.

Наряду с жесткой регламентацией в определенных вопросах (этажность и пр.) имелось много возможностей для придания облику зданий разнообразия. В тоже время наиболее ответственные участки городов отличаются комплексным, или ансамблевым, подходом, что свидетельствует о наличии существовавшей нормативно-градостроительной базы, отраженной в соответствующих правовых актах.

Но так было далеко не всегда. Несмотря на достаточно высокий профессиональный уровень архитекторов, в советское время даже тема контекстуального подхода в архитектурном проектировании повсеместно начала «звучать» только во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия. Соответственно, к началу двухтысячных городская архитектурная среда, в том числе и та, которая именовалась исторической, была, что называется, полна противоречий.

В нашем случае мы говорим о проекте реконструкции с расширением Иркутского филиала Российской правовой академии: участок со статусом исторического квартала был, а речь о его музеефикации не шла...

Это была территория, которая находилась в ста метрах от главной площади областного центра и именовалась историческим кварталом усадьбы Второвых. Одну его сторону – улицу Желябова – занимали объемы дома купца Второва, памятника истории и культуры федерального значения. На углу противоположной стороны квартала, улице Некрасова, находилось существующее здание правовой академии, которое тоже имело статус памятника, но местного значения. Оно представляло из себя двухэтажную, простую в плане кирпичную постройку с четырехскатной кровлей. Здание когда-то было доходным жилым домом с характернейшим для Иркутска простым кирпичным декором уличных фасадов и добавлением элементов из бутового камня. Между ним и главным объектом усадьбы, вдоль третьей стороны квартала (Кооперативного переулка) в шестидесятых годах прошлого века был встроены спортивный блок с залом и плавательным бассейном. Несмотря на соседство с памятниками истории и культуры, блок имеет ярко выраженные черты советского модернизма без какого-либо намека на «диалог» с дореволюционными постройками. Прочие объекты исторической застройки, как и их отдельные элементы, в квартале отсутствовали, а его внутреннюю зону заполняли плохо оборудованные спортивные площадки. Напротив здания академии, через

улицу Некрасова, находился производственный фабричный корпус, а с другой стороны Кооперативного переулка – здание общежития шестидесятых годов постройки. Итак, налицо были существующий кирпичный двухэтажный дом, небольшой участок территории для возведения пристроя к нему и окружающая среда в виде ничем не объединенного набора построек, перемежающихся с пустыми пространствами.

Тем удивительнее оказалось содержание документа под названием «Регламент на отдельный участок застройки», который заказчику предоставили органы охраны историко-культурного наследия на основании того, что этот квартал является историческим. В этой бумаге скрупулезнейшим образом было перечислено все, что касалось будущего пристроя, который планировалось спроектировать: все габаритные размеры здания, его конфигурация, материал и даже цвет крыши (зеленый), материал стен, типы и элементы стенового декора, виды и размеры оконных проемов (например, окна первого этажа в обязательном порядке должны иметь лучковое завершение, а заполняющие дверные проемы полотна дверей должны быть резными, филенчатыми), номенклатуру облицовочных и отделочных материалов не только фасадов, но и для интерьеров нового здания и многое другое... Вдобавок существующее здание, несмотря на минимальное количество «предметов охраны», вообще не подлежало никаким изменениям.

Прочитав этот опус и просчитав для себя предполагаемый результат, заказчик хотел было уже отказаться от затеи со строительством пристроя, но потом поинтересовался мнением архитекторов. Его анализу они противопоставили свои выкладки обсчета возможностей этого небольшого участка городской среды в процессе его развития.

Убедить заказчика удалось, раскрыв ему механику нехитрого фокуса, знакомого каждому реставратору и реконструктору. Результат этого действия заключается в увеличении полезной площади существующего двухэтажного здания (предметом охраны у него значился только кирпичный декор двух уличных фасадов) в полтора-два раза за счет изменения толщины перекрытий, которые все равно нужно было менять, и организации подвального и третьего этажа за высоким карнизом здания при устройстве вертикального остекления между столбами балюстрады. При этом внешние изменения в здании минимальны и практически незаметны.

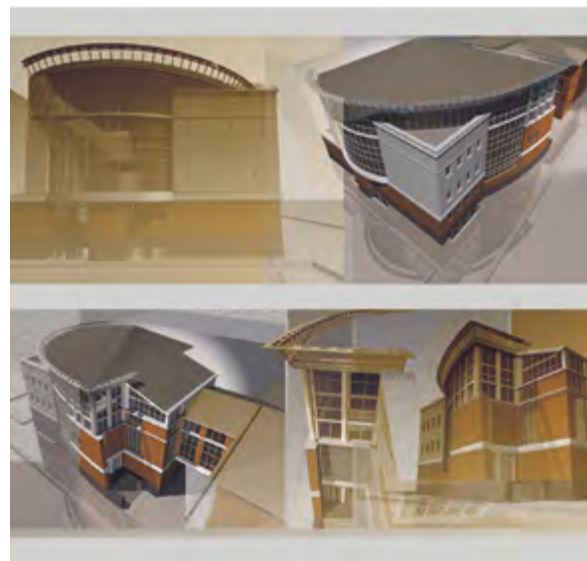
Правда, впоследствии, чтобы превратить существующее здание хоть в какое-то подобие углового акцента, форму его крыши поменяли с четырехскатной на почти пирамидальную.

Но главным градостроительным и средовым достоинством участка оказался тот факт, что улица Некрасова, изгибающаяся в этом месте, «стреляла» не на угол квартала, а практически на середину одной из его сторон, где как раз и находилась площадка для нового пристроя. Таким образом, новый пристрой обоснованно становился местной доминантой, завершающей перспективу части улицы и, соответственно, главным зданием композиции небольшого архитектурного ансамбля – зданием, имеющим право на свое собственное нестандартное объемно-планировочное и стилистическое решение. Тогда архитекторам показалось уместным использовать в его образе как модернистские (дань соседствующему с противоположной стороны спортивному блоку) мотивы, так и постмодернистское цитирование – прием сложный, неоднозначный и крайне редко удачно применяемый. Было очевидно, что новый блок будет иметь три высоких этажа, стоящих на подиуме этажа цокольного. Но если с планировкой зданий было понятно, то с пластикой фасадов объема главного блока пришлось изрядно повозиться. Ибо ставилась задача органичного взаимодополнения двух архитектурных объемов и формирования,

> Рис. 4. Проект реконструкции и расширения Иркутского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. Перспектива. Эскизный проект ОАО «ИРКУТСКИЙ ПРОМСТРОЙПРОЕКТ». 2004. Авторы: А. Буйнов, Н. Носова, В. Бызов

> Рис. 5. Проект реконструкции и расширения Иркутского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ. Фрагменты здания. Поддача. Эскизный проект ОАО «ИРКУТСКИЙ ПРОМСТРОЙПРОЕКТ». 2004. Авторы: А. Буйнов, Н. Носова, В. Бызов

вкупе со зданием бассейна, единого участка городской среды, несмотря на стилистическую разнородность построек. Интересно то, что ближе к завершению работы стала очевидной принципиальная схожесть планировочных решений купеческих городских особняков и нового здания – вертикальный «столб» поэтажных вестибюльно-рекреационных пространств с лестницами, окруженный по периметру учебными помещениями, аудиториями и кабинетами. И второе сходство – объем нового здания максимально занимал отведенный участок, оставив место только для пожарных проездов и небольшого двора, что также было свойственно правилам застройки периметров городских улиц начала XX века.

Очевидную разницу в подходах и фатального несоответствия архитектурных решений вышеупомянутому «Регламенту» научно-методический совет Центра сохранения историко-культурного наследия оценил и отнесся к проектному решению весьма благосклонно. Далее проект стал лауреатом фестивалей «Зодчество Восточной Сибири», но – только проект. В процессе реализации не удалось ни привести в порядок входную группу спортивного блока, ни выполнить качественное благоустройство хотя бы тротуаров, не говоря уже о малых архитектурных формах и элементах освещения. После завершения работ это настолько «резало глаз», что стало уроком на долгое время, а также окончательно утвердило во мнении, что второстепенных элементов среды не бывает в принципе, а половинчатый результат можно считать результатом лишь с определенными оговорками (рис. 4).

Из приведенного примера делается несколько выводов. Первый связан с тем, что в процессе работы над проектом архитекторы столкнулись с очевидной изменчивостью городской среды, имеющей документально зафиксированный статус исторической. И выяснили, что историческая среда так же подвижна в своей изменчивости, как и обычная городская среда, не имеющая такого статуса. Это движение не всегда тождественно развитию, возможен дрейф в сторону деструкции. Статичной историческая среда может оставаться только в музеефицированном состоянии, да и то эта неизменность, скорее всего, будет только видимостью.

Второй вывод говорит о том, что здания и сооружения, имеющие статус памятников истории и культуры (которые эту среду, собственно, и формируют как историческую), нуждаются в постоянном переосмыслении функций и смыслов. Только их реальное, разнообразное и актуальное функциональное наполнение, соответствующее современному пульсу города в целом, способно сделать среду живой и придать достаточный импульс для развития.

Третий вывод касается значения памятников. Знание истории, отраженное в застройке городов, помогает сформировать нравственную основу современного человека и оказывает на него воспитательное воздействие, в том числе и патриотического характера. А непосредственно участвующие в этом процессе здания становятся ПАМЯТНИКАМИ. Сами по себе являясь элементами исторического процесса, они вовлекают в него горожан, помогая им определить свое место и назначение. Исторические объекты играют важную роль в создании образа города и его восприятии жителями и гостями. Это не просто здания, а культурные символы, которые олицетворяют исторические события, достижения и традиции города. Исторические объекты города выполняют функцию культурного кода, через который передаются ценности и память о прошлых событиях, людях и социальных процессах. Кстати, само здание – это один из способов для его автора если не увековечить себя, то хотя бы материально обозначить свое присутствие в данном месте в определенный момент истории.

Можно с уверенностью сказать, что лучшим итогом работы становится результат, когда феномен памяти материализуется в современной архитектуре и обеспечивает преемственность между прошлым, настоящим и будущим. А традиция, в соответствии с одним из принципов метамодернизма, становится инновацией и проявляется на уровне системы архитектурных и художественных приемов, собственно концептуальной основы и градостроительной сути архитектурных объектов. При этом формирование архитектурно-градостроительного образа объекта развивается через колебание между различными крайностями. Это позволяет включать в проект любые воспоминания вне зависимости от того, относятся ли они к высокому искусству или к рядовому урбанистическому

городскому окружению. При этом лобовые и надуманные стилистические решения замещаются тонкими интерпретациями и искусными реализациями, которые напоминают об историческом значении среды, в которой и происходит действие.

Заключение. Подведем итоги

Приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно иллюстрируют ряд тезисов, характеризующих свойства городской среды с точки зрения сетевой теории и философии метамодернизма. Перечислим их кратко:

А. Понятие городской среды носит предельно разнобразный, междисциплинарный и универсальный характер. Только философский уровень абстракции и обобщения способен адекватно работать с настолько широким понятием. Понятие городской среды не вмещается в рамки ни одной конкретной дисциплины, но успешно включает в себя векторы множества таких дисциплин – экономики, истории, социологии, психологии и так далее, включая, разумеется, архитектуру, градостроительство и урбанистику.

Б. Городская среда (или заменяющие ее, но близкие по содержанию понятия) рассматривается как динамичный, непрерывно развивающийся феномен. Текучесть городской среды является ее имманентным свойством, так что любая консервация или иная остановка в развитии городской среды может быть только иллюзией. Даже самые крайние формы музеефикации и консервации неспособны остановить эволюционное развитие городской среды, так как ее смыслы, восприятие и контекст меняются непрерывно и неизбежно.

В. Городская среда в любом своем состоянии несет отпечатки предыдущих этапов своей эволюции. Городская среда обладает своеобразной «памятью», в ее структуре содержатся следы событий прошлого, начиная с моментов формирования города при его основании или даже раньше, с отдаленных эпох, когда формировался локальный ландшафт и биоценоз. Таким образом, понятие исторической городской среды неизбежно выглядит как условный, не имеющий объективных границ эпифеномен. Любая городская среда может быть рассмотрена как историческая, и при любом варианте архитектурного проектирования окружающую среду следует рассматривать в ее историческом развитии, с учетом той памяти, которую данная среда хранит.

Перечисленные тезисы многократно открывались и формулировались заново. Одним из последних и наиболее перспективных таких «переоткрытий», на наш взгляд, являются принципы, составляющие философию метамодернизма. Подчеркнем еще раз: метамодернизм не является каким-то революционным, принципиально новым явлением в философии города. Скорее, его можно рассматривать как современную, адекватную текущему контексту, формулировку принципов и закономерностей, уже неоднократно обнаруженных и обоснованных архитекторами и градостроителями. Тем не менее метамодернизм сегодня выглядит как одна из наиболее успешных попыток синтетического подхода к исследованию городской среды.

Литература

1. Лидин, К. Горожанство: В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–89. – DOI: 10.7480/projectbaikal.45.896
2. Castells, M. *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture*. – Oxford, UK: Blackwell, 1996. – 594 p.
3. Альтюссер, Л. Ленин и философия. – Москва: Ад Маргинем, 2005. – 175 с.
4. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – Москва: Кучково поле, 2007. – 464 с.
5. Флорида, Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. – Москва: Точка, 2018. – 362 с.: ил., карты, табл.

6. Piezonka, H., Chairkina, N., Dubovtseva, E., Kosinskaya, L., Meadows, J., Schreiber, T. The world's oldest-known promontory fort: Amnya and the acceleration of hunter-gatherer diversity in Siberia 8000 years ago // *Antiquity*. – 2023. – № 97 (396). – P. 1381–1401.
7. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – Москва: Высшая школа, 1984. – 167 с.
8. Середкина, Е. В., Хвичия, Д. А. Уйгурские поселения на территории современной Тувы и Монголии в начале VIII – середине IX вв. // *Вестник науки*. – 2025. – № 3 (84). – С. 434–440.
9. Лучкова, В. И. История китайского города: градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2011. – 441 с.
10. Градостроительство Сибири / [В. Т. Горбачёв, Н. Н. Крадин, Н. П. Крадин и др.; под общ. ред. В. И. Царёва]. – Санкт-Петербург: Коло, 2011. – 783 с.
11. Высочайше утвержденное Городовое положение 16 июня 1870 г. // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург: в Тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1874. – Т. 45. Отделение 1: 1870: От № 47862-48529. – С. 821–839.
12. Очевидцы о пожарах в г. Иркутске в 1879 и 1897 годах // Сибирский Архив. – 1911. – № 2, дек. – С. 105–114.
13. Ларионов, Д. Д. Губернский город Иркутск (пожары 22 и 24 июня 1879 года). – Иркутск: типография Н. Н. Синицына, 1880. – 121 с.
14. Монахан, Э. Сибирские купцы. Торговля в Евразии раннего Нового времени. – Москва: Новое литературное обозрение, 2024. – 758 с.
15. Лидин, К., Белобрыкина, О., Буйнов, А. Жилые комплексы в развивающейся архитектурной среде // Проект Байкал. – 2026. – № 87. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/87.2737>

References

- Althusser, L. (2005). *Lenin and philosophy*. Ad Marginem.
- Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Blackwell.
- Florida, R. (2018). *The New Urban Crisis: Gentrification, housing bubbles, growing inequality, and what we can do about it*. Tochka.
- Gorbachev, V. T., Kradin, N. N., Kradin, N. P., et al. (2011). *Gradostroitelstvo Sibiri [Urban Planning of Siberia]* (V. I. Tsarev, Ed.). Kolo.
- Kyzlasov, L. R. (1984). *Istoriya Yuzhnoi Sibiri v srednie veka [The history of Southern Siberia in the Middle Ages]*. Vysshaya Shkola.
- Larionov, D. D. (1880). *Gubernskiy gorod Irkutsk (pozhar 22 i 24 iyunya 1879 goda) [Provincial city of Irkutsk (fires on June 22 and 24, 1879)]*. N. N. Sinitsyn Printing House.
- Lidin, K. (2015). Urbanshhip: In search for a comprehensive definition of urban environment. *Project Baikāl*, 12(45), 84–89. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Lidin, K., Belobrykina, O., & Buinov, A. (2026). Residential complexes in the developing architectural environment. *Project Baikāl*, 23(87). <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/87.2737>
- Luchkova, V. I. (2011). *Istoriya kitaiskogo goroda: gradostroitelstvo, arkhitektura, sadovo-parkovoe iskusstvo [History of the Chinese City: Urban Planning, Architecture, and Garden Art]*. Publishing House of TSU.
- McLuhan, M. (2007). *Understanding media: The extensions of man*. Kuchkovo Pole.
- Monahan, E. (2024). *Sibirskie kuptsy. Torgovlya v Evrazii rannego Novogo vremeni [Siberian Merchants. Trade in Early Modern Eurasia]*. New Literary Review.
- Ochevidtsy o pozharakh v g. Irkutsk v 1879 i 1897 godakh [Eyewitnesses about fires in Irkutsk in 1879 and 1897]. (1911, Dec.). *Siberian Archive*, (2), 105–114.
- Piezonka, H., Chairkina, N., Dubovtseva, E., Kosinskaya, L., Meadows, J., & Schreiber, T. (2023). The world's oldest-known promontory fort: Amnesia and the acceleration of hunter-gatherer diversity in Siberia 8000 years ago. *Antiquity*, 97(396), 1381–1401.
- Seredkina, E. V., & Khvichia, D. A. (2025). Uyghur Settlements in the Territory of Modern Tuva and Mongolia Beginning of the VIII – Middle of the IX Centuries. *Vestnik Nauki*, 3(84), 434–440.
- Vysochaishee utverzhdennoe Gorodovoe polozhenie 16 iyunya 1870 g. [The Highest Approved City Regulations of June 16, 1870]. (1874). In *Russia. Laws and regulations. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2*. (Vol. 45. Department 1: 1870: Of No. 47862-48529, pp. 821–839). Printing House 2 of the Department of the Office of H. I. M.